

сти, если они имели сельскохозяйственное образование и намеревались поселиться на покупаемой земле.

Таким образом, деятельность Крестьянского поземельного банка на территории Беларуси представлена в широком круге источников. Состав источников по данной проблеме носит репрезентативный характер. В основном они характеризуют ссудную, землеустроительную и ликвидационную деятельность банка. Вместе с тем сохранилось крайне мало источников, посвященных проблеме участия банка в благотворительных акциях. Информационный ресурс источников в достаточной степени позволяет исследовать деятельность Крестьянского поземельного банка на территории Беларуси.

1. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2181. Оп. 1. Д. 3.
2. НИАБ. – Ф. 2510. Оп. 1. Д. 2887.
3. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1571. Оп. 1. Д. 324.
4. Белоруссия в эпоху капитализма : в 3 т. / Глав. архив. упр. при Совмине БССР ; Акад. наук БССР, Ин-т истории. – Минск : Наука и техника, 1983. – Т. 1 : Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии. – 272 с.
5. Богданович, А. Е. Я всю жизнь стремился к свету : в 2 кн. / А. Е. Богданович ; сост. А. Ващенко. – Минск : Літатура і Мастацтва, 2012. – Кн. 1 : Мои воспоминания. – 544 с.
6. Витебский вестник. – 1913. – 10 марта.
7. Наша ніва. – 1907. – № 9 // Наша ніва. Першая беларуская газета з рысункамі. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – Вып. 1.
8. Северо-западное слово. – 1901. – 30 января.

Юрчак Д.В.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЙ Порогов, островов и отмелей, указанных в книге А.П. Сапунова «РЕКА ЗАПАДНАЯ ДВИНА»

В 1893 г. в Витебске в типографии Малкина была отпечатана одна из наиболее значимых работ известного витебского историка, археолога и краеведа Алексея Парфёновича Сапунова «Река Западная Двина», представляющая собой подробное историко-географическое описание одной из самых крупных (17-й по протяжённости) рек Европы, которая до сих пор завораживает своей красотой. В названной работе автор рассматривает место реки в истории Витебщины и иных регионов, расположенных вдоль её берегов, приводит подробное описание истока и многочисленных притоков, геологический очерк берегов Двины, рассматривает развитие судоходства на реке, специфику рыбной ловли. Особое внимание уделяется подробному описанию самой реки: её ширине и глубине, скорости течения. В отдельном разделе в деталях показываются пороги, мели, острова и крупные валуны в русле реки [1, с. 165–183]. Такая информация уникальна сама по себе и даёт нам возможность представить, как выглядела Западная Двина более 100 лет назад.

Однако с течением времени облик «Двины Сапунова» существенно изменился. Обусловлено это как природным (изменение фарватера, размывание островов, подмывание берегов и т.д.), так и антропогенным воздействием. Следует признать, что именно деятельность человека, в первую очередь, привела к изменению облика берегов. Очистка русла реки для судоходства оказывала влияние на расположение фарватера и т.д. Менялась Двина и по причине развития гидроэнергетики в регионе. Строительство каскада ГЭС в Латвии (Плявиньская, Рижская, Кегумская, а также не достроенная Даугавпилсская) привело к тому, что первоначальную реку мы теперь можем только представлять, благодаря старым фотографиям и книге Алексея Сапунова.

Возникает вопрос, какими источниками мог пользоваться А.П. Сапунов при составлении книги? И насколько указанные в работе географические названия использовались местным населением? Что касается источников, то автор сам указывает в работе основные из них. В частности, во введении он говорит, что направлял многочисленные письма различным адресатам с конкретными вопросами по реке, но далеко не всегда получал на них развёрнутые ответы (а чаще всего не получал вообще). Кроме того, в сноске, поставленной в названии раздела, касающегося порогов, отмелей и островов, Алексей Парфёнович сам говорит, что раздел написан в основном по информации кормчих.

Действительно, кто как не кормчие, ежегодно перевозившие на лайбах товары в Ригу, могли досконально знать многочисленные особенности Двины? Это была их работа. И от этих знаний зависел успех плавания. Поэтому знание реки передавалось из поколения в поколение, как и сама профессия.

Однако стоит учитывать и другой факт: на Двине, по сообщению самого А.П. Сапунова, кормчими были чаще всего выходцы из Велижа и Витебска, так как именно из этих городов шёл основной массив судов в сторону Балтийского моря. Именно это объясняет, почему на участке от Велижа в названной книге количество разнообразных объектов на реке резко увеличивается. До этого города автор упоминает всего 10 порогов и островов (находящихся в основном недалеко от названного населённого пункта). При этом не нужно забывать, что выше Велижа Двина протекает от истока порядка 300 километров. Поэтому стоит признать, что этот участок реки остался вне поля зрения автора. И информация, указанная по этому участку взята именно у велижских кормчих, которые, безусловно, могли знать реку и выше родного города.

При этом первый объект, названный в работе («Вережульские порожки» у с. Дубна), описан на основе информации стольника Цызырева (1701 г.) [1, с. 165], что позволяет предположить, что информация о нём получена из письменных источников и находился он вне досягаемости основных мест плавания велижских кормчих. Зато информация о других объектах в верхнем течении Двины полностью отсутствует. А их там, как показывает даже беглое изучение снимков реки со спутника, не так уж и мало.

После Велижа количество разнообразных порогов, отмелей, каменных забор, островов и валунов, по данным А.П. Сапунова, существенно увеличивается. В работе упоминаются в первую очередь те объекты, которые представляли наибольшую опасность для плавания, а не те, которые могли бы привлечь географов, историков, биологов и других исследователей. Это в свою очередь также свидетельствует в пользу того, что основным источником для подготовки раздела книги были именно сообщения кормчих.

Плавал ли сам А.П. Сапунов по Двине? Однозначно ответить не так просто. Конечно же, после открытия пароходных рейсов от Витебска до Велижа в 1892 г. автор книги мог проплыть данный участок реки и сравнить информацию, полученную у речников ранее. Мог он путешествовать по реке и в других местах. Хотя подтвердить это предположение не представляется возможным. Но полностью Западную Двину от истоков и до Риги он явно до издания книги не проходил. Иначе информации по географическим особенностям всех участков реки было бы в разы больше и ссылка на кормчих отсутствовала.

Ещё одним проблемным вопросом стоит считать то, как именно появлялись указанные в книге названия порогов, островов и т.д. Использовались ли они местным населением? На последний вопрос, скорее всего, стоит ответить отрицательно, но с некоторыми оговорками. Во-первых, само происхождение названий явно также связано с теми же самыми кормчими. В частности, А.П. Сапунов приводит пример названия каменной заборы Сопель, названной от имени кормчего, барка которого разбилась на камнях в районе дер. Перно (выше Суража). И есть большие сомнения, что местные жители называли этот объект также как и речники. У них, скорее всего, она имела своё локальное название, которое не дошло до наших дней.

Подтверждением вышесказанного могут быть и названия различных преград на реке на современном латвийском участке. Очень сложно предполагать, что в районе впадения таких явно не «славянских по происхождению» рек как Еглань, Суссей, Нарата, Огер, Иегель острова, пороги и заборы могли называться Кобыла, Конёк, Закладня, Дуга. Карета, Подрез Верхний, Нижний Кривец, Берёза, Бобёр и др. Явно латышских названий среди островов и порогов очень мало. Зато очень много славянских и связанных с близлежащими населёнными пунктами и реками (например, мель Галиновская, Хатольские мели, острова Якобштадтский и Левенгоф). А такие ассоциативные привязки по локализации могли возникать только у лиц, сплававших по реке и ориентировавшихся как раз по близлежащим населённым пунктам, то есть у кормчих.

Кстати, в пользу этой версии говорят и многочисленные «простонародные» и типичные «мужицкие» названия, характерные как раз для суровых речников, а не представителей интеллигенции. Чего стоит только название порога «Щель срамная», хотя это название могло быть вольной интерпретацией А.П. Сапунова ещё более грубого названия [1, с. 180].

Широкое использование указанных в работе географических названий в обиходе экипажей многочисленных лайб, шкун и струг, которые ходили по Двине в XIX веке никак не говорит о том, что эти названия широко бытовали у местного населения. Хотя определённые заимствования у местных могли быть. Например, Рубовские пороги под Витебском до сих пор сохраняют это обобщающее название. Но таких примеров совсем не много. Шёл ли обратный процесс? Заимствовали ли

местные жители подобные названия у речников? Это не самый простой вопрос и с ним ещё предстоит разобраться (насколько это возможно в современных реалиях).

Тем самым, использованные в работе А.П. Сапунова названия валунов, порогов, отмелей и островов в большинстве своём представляют названия, которые названные объекты получили от речников (кормчих). Последнее даёт возможность утверждать, что эти названия в большинстве случаев не были тесно связаны с местными локальными названиями, используемыми местными жителями. Особенно это очевидно на латвийском участке реки. Поэтому данные названия стоит считать только одними из используемых (наравне с названиями, которые давали данным географическим объектам местные жители) в обиходе, но чаще всего среди профессиональных речников.

1. Сапунов, А.П. Рѣка Западная Двина / А.П. Сапунов. – Витебск, 1893. – 512 с.

Мыслівец Г.М.
«ПОЛАЦКІЯ ЕПАРХІЯЛЬНЫЯ ВЕДАМАСЦІ» ЯК КРЫНЦА
ПА ГІСТОРЫІ ШАНАВАННЯ ЕЎФРАСІННІ ПОЛАЦКАЙ

Культ святога з’яўляецца шматграннай гісторыка-культурнай і рэлігійнай формай шанавання, якая складаецца гістарычна на базе рэлігійных уяўленняў і звычайў; з’ява яго пасмяротнай прысутнасці ў грамадстве. Тэрмін «культ» сінанімічны паняццю «шанаванне» і выкарыстоўваецца як раўназначны яму [3, с. 75]. Таму ў тэксце артыкула мы раўнаважна будзем звяртацца да абодвух вызначэнняў.

Як вядома, духоўна-маральныя каштоўнасці кожнага народа акрамя іншага звязаны з «уласнымі» святымі, якія з цягам часу могуць набыць статус «нацыянальных» падзвіжнікаў веры. Сярод шанаваных святых Еўфрасіння Полацкая (1104–1173) займае пачэснае месца. Імя прападобнай ігуменні па праву стаіць у адным шэрагу з імёнамі такіх усходнеславянскіх падзвіжнікаў, як Антоній і Феадосій Пячорскія, Кірыл Тураўскі, Сергій Раданежскі, Кірыл Белазерскі і інш.

Традыцыя шанавання святой складвалася гістарычна і ўвабрала ў сябе рэлігійныя ўяўленні і звычайі рознага паходжання. Асобную групу пісьмовых крыніц, дзе змешчана інфармацыя аб гісторыі фарміравання і развіцця шанавання прападобнай ігуменні Еўфрасінні Полацкай (1104–1173), складаюць матэрыялы перыядычнага друку, сярод якіх можна пазначыць «Полацкія епархіяльныя ведамасці» (далей «ПЕВ»).

На старонках дадзенага перыядычнага выдання ў перыяд з 1874 г., калі выйшаў першы нумар, і да 1917 г. (час ліквідацыі рэдакцыі «ПЕВ») знайшла адлюстраванне традыцыя шанавання полацкай ігуменні Еўфрасінні. Колькасць і змястоўная якасць артыкулаў «ПЕВ» сведчыць аб тым, што аўтары надавалі непасрэдную ўвагу як асобе і жыццядзейнасці святой, так і складанню і распаўсюджванню яе культу на тэрыторыі Полацкай епархіі і далёка за яе межамі.

З моманту ўзнікнення культ Еўфрасінні Полацкай стала развіваўся ў рамках канона і меў шматлікія формы праяўлення: стварэнне Жыцця і царкоўнай службы; зацвярджэнне і ўрачыстае святкаванне дня памяці; напісанне ікон (абразы, фрэскі, вышываныя надтрунныя пакровы і інш.); афіцыйнае далучэнне да ліку святых; узвядзенне манастыроў, храмаў, капліц і асвячэнне прыдзелаў у імя прападобнай; здзяйсненне паломніцтваў і хрэсных ходоў да месца яе спачыну. Пазначаныя аспекты шанавання святой былі падрабязна разгледжаны ў «ПЕВ» як гістарычная з’ява, якая ўвесь час (з моманту зараджэння) эвалюцыянавала ў часе. Так, матэрыялы, змешчаныя ў «ПЕВ», былі прысвечаны эвалюцыі як асобных рыс шанавання Еўфрасінні Полацкай, так і агульным заканамернасцям у іх развіцці.

Большая колькасць артыкулаў «ПЕВ» была прысвечана асвятленню мерапрыемстваў, запланаваных на дзень памяці Еўфрасінні [1; 2; 13]. На аснове прадстаўленай інфармацыі за шэраг гадоў можна супаставіць колькасць, сацыяльнае, геаграфічнае паходжанне наведвальнікаў (паломніцкія візіты ў Спаса-Еўфрасіннеўскі манастыр здзяйснялі як звычайныя вернікі Віцебскай губерні, так і прадстаўнікі дынастыі Раманавых: Канстанцін Канстанцінавіч з сынамі Алегам і Ігарам, Елізавета Фёдараўна і інш.). Калі прааналізаваць ход мерапрыемстваў і іх выкананне, адлюстраванае ў артыкулах «ПЕВ», якія без перабольшвання з’яўляюцца тагачаснымі справаздачамі, можна ўявіць узровень арганізацыі свята ў дзень памяці святой і